

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Н. Садовская

У ПОРОГА КОРРИДЫ

«Милостивый государь! Бой быков все еще пользуется фавором в Испании...», — писал Проспер Мериме в 1830 г. редактору «Ла Ревю де Пари»¹.

В то время, когда проницательный французский литератор с некоторым удивлением отмечал живучесть этого необычайного зрелища, цирки Испании были полны народу. На аренах царил Франсиско Монтез — один из самых отважных и интеллектуальных тореро, творческий гений которого реформировал и создал многие классические приемы корриды. И все же... Иностранцев да и многих просвещенных испанцев не оставляло ощущение некоторой атавистичности этого зрелища, его несовместимости с понятной ясностью окружения, чувство удивления по поводу того, что оно существует. Это удивление, как тень, сопровождает корриду и сейчас, рождая постоянные «почему?», в то время как бездумная толпа продолжает кричать «оле!» вокруг залитых солнцем песчаных арен².

В 1775 г. в стене старинного деревенского дома в Клунии был обнаружен камень с непонятной надписью и рельефным изображением. На камне были высечены фигуры довольно понурого бычка и стоящего против него человека с мечом и большим круглым щитом. Надпись была признана иберийской, поэтому камень датировали приблизительно II тысячелетием до н. э. Само изображение вызвало много толков среди ученых, и некоторые увидели в нем возможное доказательство местного и очень древнего происхождения корриды.

В конце XIX в., через сто лет после находки «клунийского камня» Георг Шлиман начинает раскопки на Пелопоннесе. Артур Эванс в 1890—1920-х годах открывает удивительный мир доэллинического Крита, в искусстве которого (3000—1200 гг. до н. э.) почетное место отводится образу быка. Изображения быка, приносимого в жертву, сосуды для культовых возлияний в форме бычьих голов, алтари с жертвенными рогами — все это говорило о том, что бык, несомненно, был здесь предметом поклонения. На фресках дворцов в Кноссе и в Агиа-Триаде (Крит), в Тирифе (Микены), на сосудах из деревни Вафио (Спарга), на печатках колец, в мелкой пластике из слоновой кости, бронзы, серебра и глины мы встре-

¹ Проспер Мериме, Избр. соч., т. II, М., 1957, стр. 93.

² В Испании более 400 арен. В Мадриде и Барселоне они собирают до 30 тыс. зрителей. Коррида завоевала и Латинскую Америку. В Мехико построена арена с 50 тыс. мест.

чаемся с изображением удивительных по мастерству и рискованности игр с быками.

На одной из стен тронного зала кносского дворца изображен почти в натуральную величину огромный скачущий бык и три акробата — юноша и две девушки с перетянутыми талиями и длинными волосами. Одна из девушек повисла на рогах быка, другая, вытянув руки, ждет акробата, делающего сальто на спине животного. Эванс реконструировал на основании сопоставления множества изображений последовательность движений акробатов. Пользуясь его схемой, А. Н. Дальский описывает их так: «Навстречу стоящему на арене акробату стремительно мчится «летучим галопом» бык. В тот момент, когда он склоняет свою голову, чтобы пронзить рогами стоящую перед ним фигуру, акробат пропускает у себя под руками рога быка и моментально повисает на них как на параллельных брусках. Затем он, ухватившись руками за рога быка, толчком отрывается от земли и закидывает ноги и корпус вверх. Бык, не встречая на своем пути сопротивления, пронесится дальше, неся на своих рогах акробата. Чувствуя тяжесть человеческой фигуры, которая клонит голову быка книзу, животное поднимает голову с находящейся на его рогах

Рис. 1. Прославленный матадор Антонио Ордоньес — герой повести Э. Хемингуэя «Опасное лето»

фигурой акробата. В следующий момент... перегнувшись фигура акробата касается ногами спины животного... Затем акробат, крепко упираясь ногами в спину животного, отрывается от рогов, выпрямляется и спрыгивает на арену, где ему протягивает руки для поддержки первый совершивший прыжок через быка акробат»³. Существуют и другие описания вольтижировки на быках, основанные на тех же критских материалах. Дальский, в частности, предлагает свой, более сложный вариант, в котором участвуют две девушки и юноша.

Техническая сложность ритуальных игр с быками привела исследователей к мысли, что быков для игр тщательно тренировали.

Изображений этих игр так много, пластика акробатов так хорошо изучена и с таким искусством воплощена, что возникает уверенность в том, что эти зрелища были привычны и любимы в быту критян и микенцев. А. Н. Дальский считает их «производственно-магическими» играми, связанными с культом быка, символизировавшего плодородие.

Понятно, что открытия на Крите и в Микенах рождали предположения о происхождении культа быка и связанных с ним зрелищ из восточного Средиземноморья. Это как-то напрашивалось само собой. Испанская коррида была уже широко известна всему миру, и Эванс сразу же назвал открытые им фрески «корридами», а прыгунов — «тореадорами». Так они и фигурируют в его многотомном описании кносского дворца. Соблазняло и то, что изображение первого «боя быков» в Испании (на «клунийском камне») и наиболее яркие крито-микенские находки относились приблизительно к одному времени (II тысячелетие до н. э.). Торговые отношения между Критом и Иберийским полуостровом были вполне возможны. Критяне были прекрасными мореходами. На Балеарах, этом острове мостике между восточным и западным Средиземноморьем, найдено немало критских изделий из металла и среди них изображения бычьих голов, очень похожие на критские. Критяне вообще могли быть первыми колонистами в Южной Испании. Крито-микенские купольные могилы сходны по своей конструкции с могилами в Альмерии, Малаге, Севилье, Альгарве (2000—1200 гг. до н. э.). В них находят двусторонние топоры, идентичные с восточносредиземноморскими по форме, попеременно с костями быка⁴.

Однако не стоит торопиться с выводами. Есть и существенные возражения против концепции заимствования.

Прежде всего, на Пиренейском полуострове не найдено никаких следов акробатических игр с быками (ни изображений, ни каких-либо описаний). В то же время следов культового отношения к быку в древней Испании довольно много.

В VII в. до н. э. были созданы знаменитые каменные изваяния четырех быков в Гисандо (Авила). Высотой почти в человеческий рост, они

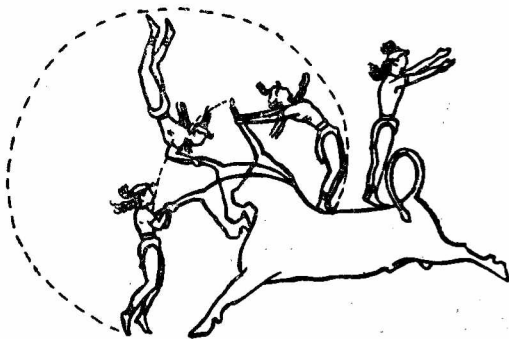

Рис. 2. Схема последовательных движений акробата в играх с быками на Крите. Схема по Эвансу, измененная в деталях

³ А. Н. Дальский, Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. М.—Л., 1937, стр. 126—127.

⁴ J. Sago Vagoja, España primitiva y romana, Barcelona, 1957, p. 58.

стоят в ряд, выгнув шеи, мрачные черные идолы, про которых Гарсиа Лорка писал:

«Дикие быки Гисандо —
полусмерть и полукамень —
промычат с тоски, что надо
землю попить веками»⁵

В провинциях Куэнка, Теруэль, Сарагоса, в знаменитом иберийском святилище Серро де лос Анхелес и в других местах найдено множество votивных бронзовых бычков, хранящихся ныне в Национальном музее археологии в Мадриде.

До сих пор крестьяне провинции Куэнка пьют вино и воду из «ботихо»⁶, удивительно напоминающих своей формой этих древних бронзовых бычков. Деревенские гончары делают их с незапамятных времен. Многие из них утверждают, что «бык был когда-то у нас священным животным».

Такого же мнения придерживается большинство испанских этнографов. Хулио Каро Бароха, например, предполагает, что культ быка поддерживался во многих областях Испании вплоть до прихода римлян (III в. до н. э.)⁷. Однако характер обрядов, связанных с этим культом, был, по-видимому, очень далек от критских игр с быками. И в сохранившихся доныне в Испании народных развлечениях с быками также нет ничего сходного с играми на Крите. Кроме того, в Испании, в отличие от древнего Крита, быков для каких-либо зрелищ не тренируют. Напротив, в народе любят, чтобы зверь был сильным и необузданным, а состязание с ним — опасным.

Тренированных быков вряд ли и на Крите приносили в жертву. Скорее всего, игры и жертвоприношения разделялись, а сами игры носили спортивный характер. Напротив, в современной корриде в Испании наиболее загадочным моментом все-таки остается традиция убийства быка (без чего, например, обходятся в Португалии и Провансе, куда коррида пришла позже). Конечной акцией убийства подчинен весь бой с быком и эту традицию интересно проследить в современных народных обычаях, сохраняющих пережитки древнейших слоев культуры.

Например, в селении Эспаррагальехо (провинция Бадахос) в праздник «Доминго Гордо» всадники прогоняют быка по улицам селения, а затем закалывают его копытами⁸.

Перед тем как заколоть быка, во многих деревнях устраивают развлечения, называемые «торо либре», или «бык на свободе». Быка на страх и радость всей деревни пускают носиться галопом по улицам и производить всякие разрушения. Все прячутся, закрывают окна, захлопывают двери. Те, кого бык застанет на улице, залезают на заборы, цепляются за балконы. И только немногие смельчаки высовываются за порог и перебегают быку дорогу. Ужас и радостное возбуждение попеременно сменяются в настроениях жителей. Нечто похожее представляют собой так называемые «энсиерро» — пробег быков по улицам из корраля в загон арены.

«Энсиерро» (*encierro*) устраивают, например, до сих пор в Альмодовар дель Кампо, где в течение пятидневных коррид пробег быков через город (его наблюдают с балконов, из дверей, из-за решеток окон, из переулков) пользуется особым успехом.

⁵ Ф. Гарсиа Лорка, Лирика, М., 1965, стр. 18 (перевод О. Савича).

⁶ Ботихо (*botijo*) — глиняный сосуд для питья с ручкой и двумя горлышками, из которого пьют, не касаясь губами края.

⁷ J. Sago Vagoja, Указ. раб., стр. 58.

⁸ Сведения взяты из книги: L. de Hoyos Sainz, N. de Hoyos Sancho, *Manual de folklore*, Madrid, 1947, p. 401 и сл.

Рис. 3. Энсиерро

«Энсиерро», подобные описанному Хемингуэем в «Фиесте», до сих пор оставляют немало жертв в июльские дни праздника Святого Фермина в Памплоне⁹.

Вот часть этого описания: «Вдоль всего забора, который тянулся до самого цирка, стояла толпа, а наружные балконы и крыша цирка были сплошь усеяны людьми. Я услышал взрыв ракеты и понял, что не успею в цирк к приходу быков, и потому протиснулся сквозь толпу к забору. Меня плотно прижали к деревянным доскам. В проходе, огороженном забором, полиция подгоняла толпу. Люди шли или трусили рысцой в сторону цирка. Потом появились бегущие люди. Какой-то пьяный поскользнулся и упал. Двое полицейских подхватили его и оттащили к забору. Теперь люди бежали быстро. Потом раздался дружный крик толпы, и, просунув голову между досками забора, я увидел, как быки сворачивают с улицы в длинный загон, ведущий в цирк. Быки бежали быстро и нагоняли толпу. Вдруг еще один пьяный отбежал от забора, держа обеими руками куртку, словно плащ матадора. Он хотел поработать с быками. Оба полицейских ринулись к нему, один схватил его за шиворот, другой ударил дубинкой, потом притиснули его к забору и стояли, прижавшись к доскам, пока не пробежали последние из толпы и быки. Впереди быков бежало так много народу, что в воротах цирка образовалась пробка, и когда быки, тяжелые, забрызганные грязью, сбившись в кучу, крутя рогами, набежали на толпу, один бык вырвался вперед, всадил рог в спину бегущему впереди человеку и поднял его на воздух»¹⁰.

Быку на деревенских корридах всякий раз дают разгуляться, показывать свою силу, чтобы затем попать ее и сделать это в максимально торжественной, а иногда и унижительной для него форме. Особенно ярко это стремление выражается в обычаях «торо энсогадо» (связанный бык) или «торо дель фуэго» (огненный бык).

В Альярисе (Галисия) в праздник Тела господня связанного быка волокут по улицам и все дразнят и колют его палками. Затем быка привязывают за ошейник к кольцу, ввинченному в стену, и храбрецы целуют его в морду. После этого быка проводят под аркой монастыря Санта Клара, мимо муниципалитета и домов почетных участников фиесты. Подобные же процессии до последнего времени существовали и в многочисленных селениях Арагона, Кастилии, Ла Манчи и Басконии.

«Торо дель фуэго» еще более усиливает эффект устрашения и торжественного покаяния страшилища. Представьте себе ночную процессию, в центре которой бык. Его сопровождают жители с поднятыми копыями, на концах которых полыхают факелы (верховья р. Эбро). Или центральную площадь города, на которой горят пять громадных костров, а между ними мечется, как фантастический дракон, бык с огнем на голове и спине. Зрителем овладевает мистический страх перед зверем, и когда его, наконец, закалывают кинжалом, все вздыхают с облегчением (эту фиесту устраивают в день Святых мучеников, 11 ноября, в Медина-де-Кастилии).

Луис де Ойос Сайнс полагает, что эти обычаи могут быть пережитками традиционных загонов быка горящими копыями, которые еще сохранялись у кельтиберов, когда их завоевали римляне¹¹.

Во многих селениях пережиточное отношение к быку как к священному животному выражается в том, что быка включают в религиозные процессии на местных праздниках (Бросас, провинция Касерес). А в некоторых деревнях Тьерра де-лос Баррос (Эстремадура) на фиесту Сан Маркоса быка даже подпаивают вином, чтобы он был смиренным и послушно участвовал в праздничном шествии.

⁹ См. Г. Бояджиев, В. Комиссаржевский, Коррида в Памплоне, «Театр», 1967, № 2, стр. 90.

¹⁰ Э. Хемингуэй, Избр. соч., т. II, М., 1959, стр. 135.

¹¹ L. de Hoyos Sainz, N. de Hoyos Sancho, Указ. раб., стр. 403.

До недавнего времени в селении Тордесильяс на берегу р. Дуэро, где когда-то томила в изгнании королева Хуана Безумная, раз в год устраивался праздник, на котором быка, заколотого в бою, съедали на общем пиру всех поселян. Но самое интересное, что быка убивали... перед образом безумной королевы. Иначе говоря, его не просто съедали, а предварительно посвящали почитаемому лицу. Точно так же в провинции Соррия на фиесте в день Святого Хуана быка после игр закалывали и съедали.

Как видим, в этих обычаях нет и помина об отношениях между человеком и быком, как между партнерами. Не видно здесь и следов предварительной тренировки животных для общественных зрелищ. Бык выступает, с одной стороны, в роли устрашающей, необузданной силы, а с другой — как существо, предопределенное к умерщвлению. Но этого мало. Того, кого только что боялись, гнали, унижали, а затем закололи, с ликованием поедают, совершая это в максимально торжественной обстановке.

Джон Фрезер в «Золотой ветви» приводит множество убедительных примеров того, как в древних религиях самых различных народов вера в умирающих и воскресающих богов была связана с обрядами обязательного их умерщвления, символизирующими ежегодное умирание природы. Вот что, например, пишет Фрезер о культе Диониса: «Согласно мифу, Дионис именно в облике тельца был растерзан титанами. Критяне, когда они инсценировали страдания и смерть Диониса, разрывали зубами живого тельца. В обрядах Диониса, как будто, вообще было правилом терзать и пожирать живых быков и тельцов.

Обычай изображения бога в виде тельца или с характерными чертами этого животного, вера в то, что бог являлся своим поклонникам в священных обрядах в образе тельца, миф о том, что в образе тельца бог был растерзан врагами, — все это убеждает нас, что разрывая и пожирая живого тельца на празднике Диониса, его поклонники верили, что они убивают бога, едят его плоть и пьют его кровь»¹².

Я не утверждаю, что именно Дионис почитался в облике быка в древней Иберии, хотя культ его могли занести сюда греческие колонисты уже в VII в. до н. э.

Вполне допустимо, что в обряды, связанные с культом быка или с культом какого-нибудь божества, воплощавшегося в нем (как это было с Дионисом или Озирисом, или с духами хлеба в Северной Европе), входили и процессии с быком, и избивание его, и предоставление ему на время полной свободы, и заключительное заклание его с коллективным поеданием «божества». Связный когда-то ритуал мог распасться со временем на отдельные фрагменты, сохранившиеся в изолированном виде в разных местностях. Где убивание быка, а где просто процессия с быком, где свободный галоп по улицам, а где проволакивание и унижение связанного животного. Так или иначе, кажется допустимым, что некоторые народные фиесты сохраняют до сих пор пережитки культового отношения к быку. Современное название боя с быком *corrida de toros*, означающее буквально «бег быков», пришло от собирательного названия народных развлечений с быками, в которых пробеги и процессии, как мы видели, занимаят такое важное место.

Предание, которому многие историки не доверяют¹³, рассказывает о том, как кельтиберы использовали диких быков во времена Пунических войн. Гамилькар Барка осадил в 228 г. до н. э. город, впоследствии названный по его имени Барселоней (Баркинон). Тогда жители выпустили на осаждающих стадо диких быков, которые опрокинули колесницу Гамилькара, растоптали его и заставили бежать его войска. Карфагеняне

¹² Д. Фрезер, Золотая ветвь, вып. III, М., 1928, стр. 105.

¹³ L. Ortiz Cañavate, El toreo español, «Folklore y costumbres de España», т. 1, Barcelona, 1934, p. 388.

и римляне были поражены тем, как местные жители справляются с дикими быками и копьями убивают их ¹⁴.

Уже при Цезаре римляне не только удивлялись этим способностям иберийцев, но и охотно использовали их для своих цирковых зрелищ. Юлий Цезарь как будто бы был первый, кто устроил представление в Риме, на котором люди сражались с быками ¹⁵: Между 41 и 45 гг. Тиберий Клавдий устроил спектакль, на котором фессалийские конники билась с дикими быками («которых они гоняют по всему цирку, вскакивают обессиленным на спину и за рога швыряют их на землю») ¹⁶. Тогда же он пригласил иберийцев, которые использовали шкуры или одежду для того, чтобы отводить повторяющиеся атаки этих диких быков.

Даже из этих кратких сообщений видно, что фессалийцы представляли «спортивную» традицию в играх с быками, а иберийцы — «боевую». Иберийцы использовали шкуры и одежды для того, чтобы «отводить атаки» диких животных. Фессалийцам это было не нужно: у них быки, видимо, были дрессированы. Как известно, маневры с плащом составляют существеннейшую часть современной корриды. Именно в работе с плащом проявляется искусство «управления» быком, его временного обуздания. В изображениях игр с быком на Крите, в сообщениях об играх с быками у греков, у фессалийских конников, мы нигде не встречаем упоминаний об этих вспомогательных орудиях отвлечения животных, о самом приеме отвлечения. Возможно потому, что критяне и фессалийцы имели дело с тренированными быками, что у них эти игры были цирковым представлением, а не состязанием с заранее непредвиденным финалом, часто (а может быть обязательно) заканчивающимся смертью одного из противников.

При римлянах (III в. до н. э. — V в. н. э.) в Испании было построено много цирков и амфитеатров: в Толедо, Мериде, Таррагоне, Мурвьедро и др. В них, возможно, наряду с боями гладиаторов устраивались и бои с быками.

После первых веков нашей эры и вплоть до арабского завоевания (VIII в.) сообщения о боях с быками в Испании прерываются. Сохранился лишь один забавный документ вестготской эпохи. В нем говорится о выговоре, полученном от начальства неким епископом за его необычайную страсть к простонародным забавам — *taurorum*. Где-то рядом с официальной, остающейся письменные следы жизнью, пульсировала другая, народная, не прерывающая своих старинных привычек.

Мусульмане не сразу обратили внимание на полюбившееся им позднее зрелище. Началась Реконкиста, война надолго стала главным в жизни и мавров, и христиан. Но постепенно границы владений стабилизировались, стала устраиваться жизнь в мавританских княжествах, расцвели ремесла и науки, нашлось время и для развлечений.

Кажется вероятным, что именно арабам Испания обязана возрождением искусства боев с быками в его «рыцарской» форме. Дело в том, что к этому времени идеи христианства уже настолько сильно пропитали культуру домусульманской Испании, что к варварским народным культам и забавам высшие классы относились с предубеждением и отвращением. Но в мусульманской Севилье уже в начале XI в. бои с быками устраивают по поводу каждого торжества. Восстанавливаются римские цирки и амфитеатры, расчищаются новые площадки. Вплоть до падения Гранады в XV в. арабы устраивали поединки на специально оборудованной площади Биль-Рамбла. Несколько позднее усваи-

¹⁴ D. Tapia, Breve historia del toreo, México, 1947.

¹⁵ Caius Secundus Plinius, Naturalis Historia, v. III, l. VIII, London, MCMXLVII, p. 127.

¹⁶ Caius Tranquillus Suetonius, De vita caesarum, l.V, XXI, 3, London, MCMXLVII, См. также отсылки в «Enciclopedia Britanica», London, 1960, v. 4, p. 371.

вают корриду и христианские рыцари, подражавшие во многих своих развлечениях мусульманским аристократам. Нередко арабские воины и испанцы устраивали поединки, выступая в паре и по очереди сражаясь с быком. Правда, многочисленные легенды и романсы утверждают, что не мавры, а Родриго Диас де Бивар, непобедимый Сид Кампеадор (XI в.), был первым рыцарем, поразившим быка копьем. Изображения Сиды, сражающегося с быком, до сих пор очень популярны в Испании (Гойя посвятил ему один из своих офортов серии «Тавромахия»).

Среди христиан рыцарские корриды были событием исключительным, и устраивали их только в дни королевских торжеств. В сознании современников они запечатлевались как настоящие исторические события. О них долго помнили, их записывали в хрониках и воспевали в романсах. В 1124 г. в г. Сальданья корридой была отмечена свадьба Альфонсо VII, в 1144 г. в Леоне — свадьба доньи Урраки Астурийской с Гарсиа VI Наваррским, в 1148 г. в Логроньо — коронация Альфонсо VII Наваррского и т. д. Любопытно, что как только коррида становится развлечением знати, сразу же появляется тенденция к монополии на это зрелище. Альфонсо X Мудрый (XIII в.) уже преследовал народные корриды и одновременно поощрял рыцарские.

Постепенно бык из культового животного превращается в соперника на турнире. Ведь это было время Реконкисты — с ее рыцарской этикой чести, с ее идеалом мужской красоты воина-победителя. Недаром именно Сиду — первому рыцарю Реконкисты — приписывала легенда и первого павшего от копья быка. Бык стал в ту эпоху символом силы, которую надо победить, подставным врагом, которому воображение дорисовывало чуть ли не доспехи. Это снижало его роль как объекта различных магических церемоний, еще державшихся в народе, но зато возвышало до роли равного соперника, необходимого воину для демонстрации своей отваги.

Судя по миниатюрам в книге песен Альфонса X Мудрого, тореро того времени сражались и пешими, и конными, но чаще конными. Всадник был одет и вооружен почти так же, как в бою или на турнире.

Доспехи были постепенно сняты, так как затрудняли действия тореро. Были оставлены только специальные поножи на ногах. Пикадоры и сейчас их надевают. Для поражения быка употребляли копье, длинный меч и кинжал. Мечом пользовались в редких случаях, он был слишком короток для всадника. Кинжалом добивали раненого быка. Главным оружием было копье или, точнее говоря, «рехон» (*reñón*). Отличался он от копья тем, что на его конце был укреплен короткий широкий нож, которым быка и убивали. Сами всадники назывались рехонеадоры, а «рехонеар» — означало бороться с быком, не сходя с коня.

Нынешние копья пикадоров отличаются от рехонов тем, что колют быка коротким наконечником, раздражая и распаяя его для боя с пешим матадором.

Убивали быков в те времена самыми варварскими способами, для которых, однако, требовалась необычайная физическая сила и хладнокровие. Чтобы кабальеро мог сохранять достойный вид в схватке с противником, который норовил пропороть лошади брюхо или скинуть всадника на землю, нужно было много помощников. Оруженосцы — «чуло» (*chulo*) должны были поднимать кабальеро, если бык выбивал его из седла, и ловить его коня (считалось плохим тоном бегать за конем по арене). Они должны были отвлекать быка от всадника, подавать ему оружие, подсаживать его в седло, добивать быка кинжалом или подрезать ему поджилки, убирать тушу убитого животного. Одеты чуло были гораздо легче наездника, и главными их достоинствами

Рис. 4. Пикадор

Рис. 5. Капеа

считались увертливость и легкость ног (как и сейчас у пеших ассистентов тореро). Группа чуло — прообраз современной кадрили, хотя, как мы увидим дальше, роли пеших и конных тореро переменялись.

Принято считать (хотя такой знаток как Коссио, относится к этому скептически)¹⁷, что бандериллы были введены арабами¹⁸. В то время арабы их называли гарпунами. В начале XVII в. их стали украшать флажками, отсюда и название *banderilla* (флажок). Всаживать разжигающие ярость гарпунчики в шею животному было делом чуло. Эта традиция сохранилась и поныне — в кадрили всегда есть специальный бандерильеро, хотя матадоры иногда сами проводят эту опасную операцию. Вооружены чуло были лишь кинжалом и легким ярким плащом (*sapa*). Боевой плащ был необходимым оружием для пешего боя и в те времена. Во всяком случае с плащом в левой руке и с копьем или мечом в правой изображены тореро на капители колонны в соборе Пласенсии (XV в.) и на фреске в монастыре Сан Доминго де Силос (XVI в.). Возможно, что именно искусство чуло в работе с плащом породило форму простонародных игр с быками — «капеа» (от *capear* — играть с плащом), до сих пор популярных во всей Испании и особенно в Кастилии. А может быть, наоборот, чуло использовали народные приемы игры с плащом в рыцарских корридах.

«Капеа» отличается тем, что быка не убивают. Часто капеи называются «новильядами», так как в них участвуют двух-трехлетние бычки «новильо» или «бесерро». Ортис-Каньявате, ссылаясь на средневековые хроники, рассказывает так о происхождении новильяд. В царствование короля Энрике III Болезненного (1390—1406 гг.) вспыхнула эпизоотия. Падеж был настолько велик, что скот запретили убивать в течение года. Первое время после этого устраивались только корриды молодых бычков — «новильос», без убоя. Потом аристократические корриды возобновились, а в народе привились более дешевые «новильяды» или «капеи»¹⁹.

Участники «капеи» — все жители селения, которые из зрителей могут превратиться в тореро, а потом снова, нырнув в толпу, стать зрителями.

В день фиесты к полудню все сбегается к центральной площади. Выходы с нее баррикадируются повозками, бревнами, ларьками и разной рухлядью. Иногда огораживают площадь забором. Один проход, ведущий к загону, оставляют открытым: через него на площадь стремительно вбегает бык. Предварительно он пробежался по пустым улицам селения, все двери которого крепко заперты, окна задвинуты ставнями.

Но вот бык в центре площади, и тут к нему через загородку прыгают один или сразу несколько добровольцев-тореро, одетых кто во что горазд, но почти все с плащами в руках. Правила отсутствуют и быка не убивают. Хорошо, если есть красный плащ. Если же нет, сойдет любая яркая тряпка, которая все равно называется «капа». Когда бык разъярен, он реагирует не только на красный цвет. Если животное теснит легконогий тореро, они улепетывают от него через загородку, чтобы потом снова перепрыгнуть ее и возобновить опасную игру.

Сами же тореро — либо парни этой деревни, либо странствующие полупрофессионалы, чаще всего очень юные. Они путешествуют целой кадрилией и разыгрывают представление за угощение или небольшую плату. Многие знаменитые матадоры, как например Хуан Бель-

¹⁷ М. Cossio, Los toros, t. 1, Madrid, 1951, p. 872.

¹⁸ Бандерилья — металлическая палочка типа дротика, с зазубринами.

¹⁹ L. Ortiz-Sañavate, Указ. раб., стр. 396.

монте, начинали свой путь к славе на деревенских «капеа». Нередко эти тореро получают серьезные раны, но это только увеличивает популярность зрелища, внося в него захватывающий элемент игры с реальной опасностью.

В ранний период средневековой корриды бои устраивались чаще всего на центральной площади города или селения — Пласа Майор. Это название перешло затем и на специальные цирковые арены «пласас де торос» и сохранилось до сих пор. Как правило, план средневекового испанского городка или деревни сохраняет где-нибудь рядом с собором или замком квадратную Пласа Майор, обрамленную балконами и «сопорталями»²⁰ для зрителей.

Первые огороженные арены были деревянные, разбиравшиеся после каждой фиесты. Постоянные, но тоже деревянные цирки стали строить приблизительно с XIV в. при Хуане I Кастильском (1379—1390 гг.), страстно любителе боев с быками. При нем, по мнению Каньявате, эти бои превратились из своего рода охоты на диких животных в изысканное развлечение для знатных кабальеро. Кончился порожденный Реконкистой рыцарский турнирный период в истории боя быков в Испании. При абсолютистских дворах коррида превращается в блестящее представление, сопровождавшее помпезные придворные праздники. В роли рехонеадоров выступают теперь только очень знатные гранды, а иногда и короли. Парча и бархат костюмов, цветы и драгоценности на туалетах дам, музыка — все это уводит от суровой сосредоточенности поединков раннего средневековья в атмосферу парадной декоративности королевских забав.

Само зрелище становится более продуманным и изящным, сила все больше уступает место ловкости, а неприятные неожиданности тщательно страхуются для того, чтобы не оскорбить утонченного зрителя. Все более скрупулезно разделяются функции главного тореро и его свиты, чтобы быстро, избавив быка от мучений, убить его одним ударом в загривок.

В те времена пристрастием к «торео» отличались самые высокопоставленные сеньоры. Сам император Карл I (1516—1555 гг.) демонстрировал благоволение к знати личным участием в королевских корридах. Король португальский, дон Себастьян, убил быка на корриде в Кадисе. Завоеватель Перу, дон Фернандо Писарро, говорят, был очень храбр в поединках с быками и устраивал корриды в Америке. Увлечение этим зрелищем среди аристократии было настолько велико, что одна из девишек знатного рода Гусман вышла замуж за кабальеро по прозвищу «Эль Торeadор».

Король Филипп II (в XVI в.) приказал даже открыть в городах школы для обучения конному бою с быками.

Филиппу III (1598—1621 гг.) пришлось подумать о постройке более просторной арены, чем тесный внутренний двор старинного мадридского замка Алькасар.

Строительство специальной площади для королевских фиест в Мадриде было поручено придворному архитектору Гомесу Мора. Квадратное брусчатое поле Пласы Майор было окружено четырехэтажными домами с арочными сопорталями и тремя рядами сплошных железных балконов. Единственный дом, где эти три пояса прерывались, был дом с королевской ложей, выше которой никому не разрешалось сидеть, так как никто не мог быть выше короля. Около 50 тысяч зрителей умещалось в то время на балконах и у окон домов. Владельцы комнат с окнами на площадь должны были покидать их во время представлений. Они имели право смотреть только утренние представления.

²⁰ *Soportal* — открытая наземная галерея.

У окон и на балконах были устроены сиденья, плата за которые голубо-вокружительно возрастала из года в год. Распределением мест веда-ли церемониймейстеры двора. Интриги из-за мест на корриду служили постоянной темой разговоров за королевским столом. Накануне корриды по дворцу бегали фрейлины и лакеи с записочками о «контрамарках». Немало придворных щеголей обогатилось за счет мадридских толсто-сумов, плативших бешеные деньги за место на балконе. Публика побед-нее занимала ступеньки в сопорталях еще накануне вечером. Не дожда-вшись окончательной застройки площади, король устроил в 1617 г. пер-вую королевскую корриду на Пласа Майор.

На рассвете начиналось энсиерро — прогон быков с загородных пастбищ в загон, соединенный с площадью узким проходом. Быки бе-жали плотной массой, окруженные всадниками с копьями, среди ко-торых было немало добровольцев из знати. Множество дам и кавале-ров наблюдали энсиерро из окон экипажей, стоявших у загороженных проходов в боковые улицы.

В первый день фиесты выступали только пешие бойцы из свит знат-ных тореадоров. Это сражение перемежалось пантомимами и буффо-надами — мохигангас (*mojigangas*) и служило как бы прологом к на-стоящему бою.

Подвиги пеших ассистентов почти не замечались, и они привлекали к себе внимание акробатическими сальто и комическими падениями. Когда впоследствии, в XVIII в., пешие тореро заняли первое место в корриде, она некоторое время еще сохраняла этот цирковой (в нашем смысле), трюкаческий характер, который был традицией свиты при конном рехонеадоре. Период этот, когда прославился любимый Гойей Мартинчо, так и назывался периодом «мохигангас».

Только на следующий день начиналась настоящая коррида, в ко-торой принимала участие аристократия. Бой посвящался королю или прекрасным дамам, которые бросали на арену платки, кольца и веера в знак восхищения мужеством тореро. Риск был велик. Смертные слу-чай и ранения были очень часты, коррида еще не была делом профес-сионалов, искусство товрамахи только создавалось. И все же в доб-ровольцах, рискующих жизнью, молодых, красивых, знатных и незнат-ных недостатка не было. Бросить вызов воплощению силы в образе огромного зверя считалось за великую честь. Сделать это максимально изящно в обстановке пышного праздника было вполне в духе нравов Испании того времени.

Ведь и Дон Хуан Тенорьо, бросая вызов Командору, своей судь-бе встречает страшного гостя роскошным ужином при ярком свете свечей.

Между тем популярность корриды все больше раздражала церков-ные власти, видевшие в них возрождение худших языческих забав им-ператорского Рима. В 1567 г. папа Пий V проклял «корриду де торос» в особой булле. Сменивший его Григорий XIII ограничился, однако, в 1575 г. запрещением участвовать в корридах кавалерам духовно-ры-царских орденов, Сикст V в 1586 г. запретил присутствовать на корри-дах духовным лицам. Но все эти запреты наталкивались на такую сильную оппозицию в Испании, что Клемент VIII, оказавшийся терп-ливее своих предшественников, довольно откровенно заявил о том, что запреты создают лишь атмосферу скандала вокруг церкви и ничего больше не достигают. Любопытно, что когда Пий V издал свою за-претную буллу, Филипп II не очень-то торопился с ее опубликовани-ем. Он выжидал целых 6 лет и обнародовал ее только в португальском городе Эвора, где корриды вообще были непопулярны. Когда в 1566 г. кортесы под давлением Рима обратились к нему с просьбой запретить поединки с быками, Филипп II ответил, что он не может этого сделать,

Рис. 6. Тьента

как как коррида «...старинный и общепринятый обычай в наших Королевствах...»²¹.

И действительно, хотя аристократия забрала в свои руки развлечения с быками, ощущение связи их с народными традициями не пропадало даже у самых высокопоставленных ее представителей. По-видимому, народное окружение с его обычаями не очень-то давало это забыть.

Сохранилась любопытная переписка каталонского епископа Антонио Паскуаля и вице-короля Каталонии маркиза Леганес по поводу коррид быков, очень популярных в XVII в. в Каталонии. Епископ жаловался на беспорядки во время фиесты, «когда среди людей, вышедших на улицу, были ранены двое мужчин и одна женщина»²², и требовал запрета корриды быков. Маркиз Леганес отвечал, что вообще корриды запретить будет очень трудно, но в дни фиест он постарается это сделать. Тогда же, когда корриды будут устраиваться, с площадей надо будет удалять женщин, детей и стариков.

Запрещение коррид в праздничные дни было единственным, чего время от времени удавалось добиться духовенству в деревнях. В противовес этим запрещениям многие местные законодательства (северного графства Собрарбе, например) специально фиксируют разрешение коррид.

Средневековые приемы корриды проглядывают и ныне то тут, то там во многих местных развлечениях с быками. Таков обычай «тьен-

²¹ Цит. по L. Ortiz-Saïavate, Указ. раб., стр. 408.

²² Там же, стр. 421.

тас» — пробных боев с быками прямо на пастбищах, во время которых всадники, вооруженные копьями «гаррочами» врезаются в стадо, отделяют какого-нибудь быка и стараются заставить его слушаться и подчинить его бег своей воле. Это — излюбленная забава пастухов в громадных скотоводческих поместьях Андалусии и Кастилии.

Средние века оставили нам и фарсовое, пародийное переосмысление древних обычаев, связанных с культом быка. Они распространены в Испании чуть ли не шире, чем корриды «всерьез». Вот типичная «пантомима таурина» в Овехар (провинция Сория). Два парня, покрытые шкурами быков, изображают кровавый бой, в котором, однако, оба быка держатся крепко. Неожиданно раздается выстрел и один из них падает, у него из бока течет кровь. Все бегут подставлять стаканы, так как это красное вино из бурдюка, спрятанного под шкурой. «Быки-соперники» тут же выпивают вместе со всеми.

В средние века некоторые из самых почитаемых в Испании святых как-то стихийно (во всяком случае, без вмешательства церковных властей) стали считаться патронами тавромахии. В дни Сан Маркоса, Сан Хуана, Сан Фермина, Сант-Яго, Сан Роке даже папы не могли запретить корриду.

Как мы видели, Сан Маркос (Эстремадура), Сан Хуан (Сория) и особенно Сан Фермин в Памплоне до сих пор почитаются в этом качестве.

Так и сосуществовали рядом вплоть до XVIII в. эти две линии в развитии корриды — народная, почти не скованная каким-либо ритуалом, и аристократическая — придворная, апеллирующая к традициям рыцарства, но давно и безвозвратно их утратившая. Их пути время от времени скрещивались в непринужденном заимствовании тех или иных приемов битвы.

После войны за «испанское наследство» (1701—1714 гг.) испанская корона перешла к французским Бурбонам. Французский двор, воспитанный на изящных версальских празднествах, отверг с отвращением

Рис. 7. Пласа де Торос в Мадриде

мужественные забавы испанской знати, и королевские корриды были запрещены. Но с народной корридой не так-то легко было справиться. На время она замерла для горожан и ушла в деревню, но только для того, чтобы вернуться победительницей, завоевавшей и народ, и аристократию.

Уже в конце первой трети XVIII в. по деревням Испании стали бродить самодельные «квадрильи», которые устраивали корриды, представлявшие собой сочетание народных «капей» и аристократических поединков. Во главе их стал пеший чуло — матадор, вооруженный шпагой, а бывшему герою — рехонеадору отвели декоративные задворки. Вскоре появились антрепренеры, которые стали организовывать выступления этих квадрилий на аренах, брать деньги за места и оплачивать «работу» тореро. Матадор-простолудин стал профессионалом-артистом, а все зрелище стало отливаться в форму особого рода театра, самого популярного сейчас театра в Испании.

Давно исчезли, скрылись под напластованиями современной культуры те культовые мотивы, которые побуждали древних людей убивать своих богов. Уже давно ушли в прошлое и рыцарские героические черты боя быков времен Реконкисты. Коррида стала всенародным, общенациональным обычаем, утратив средневековый сословный смысл.

И все же сохранилась невидимая нить, связывающая современное зрелище с его сложной и многогранной предысторией. Эта нить и создает то психологическое единство восприятия древнего обрядового действия и современной битвы человека со зверем, которое называют традицией.

В основе этого единства — вызов силе, судьбе, богу в далекие времена. Создание этой силы, возвеличивание ее и попрание, упонительная победа над ней, как над воплощением всего, что противостоит свободной воле человека, — вот что проходит перед распаленным воображением зрителя корриды.

Матадор, герой романа Карлоса Рейлеса «Чары Севильи», говорит: «Я уверен, что публика представляет себе, что тореро — это Испания, а торо — это Судьба, и она безумствует, вызывая Судьбу на поединок, смеясь над зверем, унижая его и, наконец, заставляя его умереть у своих ног». Не так ли и юноши, кидающиеся под ноги быку на памплонском энсиерро, бросают вызов страху смерти, живущему в душе каждого из нас?
